

она такая добрая. Пройдетъ день, два и все сгладится. Дѣти явятся примирителями и Вѣра забудетъ обиду...

— А обида была?

— Да, была, и большая; и тѣмъ глубже врѣзалась она въ сердце, что дѣвица красива, обворожительна...

— Анна Игнатьевна, умоляю васъ...

— Хорошо, хорошо, не буду. Скажите, вы съ Викторомъ все по прежнему, въ дружбѣ?

— По прежнему.

— Это, однако, очень странно...

— Совсѣмъ не странно...

— А—а, понимаю, другой міръ, другіе нравы. Впрочемъ, съ такой размазней, какъ Викторъ, Стелла долго не можетъ ужиться. Ему, кажется, и теперь предоставляется только одна привиллегія — привиллегія расплачиваться. А тамъ Пьеръ ли, Поль ли, Викторъ долженъ относиться къ этому философски.

Петръ Николаевичъ ничего не возразилъ; оба молчали.

— Анна Игнатьевна!

— Что угодно, Петръ Николаевичъ?

— У меня есть до васъ большая просьба.

— Посмотримъ.

— Если Вѣра спроситъ васъ, что вы думаете...

— Слушаю-сь.

— Я еще ничего не сказалъ.

— Не нужно, я поняла. Извольте, для счастья Вѣры, я буду отстаивать вашу непогрѣшимость. Но, Петръ Николаевичъ, — и въ голосъ ея послышалась угроза, — впередъ будьте осторожны. Хотя я и не обладаю такими прекрасными глазами какъ Стелла, но и у меня глаза зорки! Въ этотъ разъ я постараюсь спасти отъ крушенія счастье вашей жены; да, я это сдѣлаю для Вѣры, и отчасти для себя...

— Для васъ?

— Да. Для того, чтобы въ сознаніи моего добраго поступка найти успокоеніе моей истерзанной души. Но повторяю: бойтесь меня какъ рока! Еще одно отступленіе — и я васъ такъ сражу, что вы во вѣки вѣковъ больше не подыметесь...

„Въ любви какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,

Я неизмѣненъ и великъ“...

Прорекламиривала она низкимъ, дрожащимъ контральто, который потерялся въ плескъ волнъ.

Петръ Николаевичъ взглянулъ на эту черную фигуру, стоявшую съ нимъ рядомъ какъ зловѣщая тѣнь на пустынномъ